

НОВЫЯ КНИГИ.

О ВЪ ОВЛѢАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА. Сочиненіе
Сильвіо Пеллико.

На дніяхъ выдетъ изъ печати новый переводъ кни-
ги: *Dei Doveri degli uomini*, сочиненія славнаго
Сильвіо Пеллико.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объ-
яснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, при-
мѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жиз-
ни и происшествіямъ міра; изъ коей не льзя по-
вторить ни единаго выраженія, котораго не знали
бы всѣ наизусть, которое не было бы уже *посло-
вицю народовъ*; она не заключаетъ уже для насть
ничего неизвѣстнаго; но книга сія называется Еван-
геліемъ, — и такова ея вѣчно - новая прелестъ, что
если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные уны-
ніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ си-
лахъ противиться ея сладостному увлеченію, и по-
гружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе.

И не всуе, собираясь сказать нѣсколько словъ о
книгѣ кроткаго страдальца, дерзнули мы упомянуть

о божественномъ Евангеліи: мало было избранныхъ (даже между первоначальными пастырями Церкви), которые бы въ своихъ твореніяхъ приближились кротостію духа, сладостію краснорѣчія и младенческою простотою сердца къ проповѣди Небеснаго Учителя.

Въ позднѣйшія времена неизвѣстный творецъ книги «О подражаніи Иисусу Христу», Фенелонъ и Сильвіо Пеллико въ высшей степени принадлежать къ симъ избраннымъ, которыхъ Ангель Господній привѣтствовалъ именемъ *человѣковъ благоволѣнія..*

Сильвіо Пеллико десять лѣтъ провелъ въ разныхъ темницахъ, и получая свободу, издалъ свои записки. Изумленіе было всеобщее: ждали жалобъ, напитанныхъ горѣчью,— прочли умилительныя размышленія, исполненные яснаго спокойствія, любви и доброжелательства.

Признаемся въ нашемъ зломысліи. Читая сіи записки, гдѣ ни разу не вырывается изъ-подъ пера нещастнаго узника выраженія нетерпѣнія, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намѣреніе въ этой ненарушимой благосклонности ко всемъ и ко всему; эта умѣренность казалась намъ искусствомъ. И восхищаясь писателемъ, мы укоряли человѣка въ неискренности. Книга: *Dei doveri* устыдила насъ, и разрѣшила намъ тайну прекрасной души, тайну человѣка - христіанина.

Сказавъ, какую книгу напомнило намъ сочиненіе Сильвіо Пеллико, мы ничего болѣе не можемъ и не должны прибавить къ похвалѣ нашей.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, въ статьѣ писателя съ истиннымъ талантомъ, критика, заслужившаго дсвѣренность просвѣщенныхъ читателей, съ удивленіемъ прочли мы слѣдующія строки о книгѣ Сильвіо Пеллико:

«Если бы книга *Облязанностей* не вышла въ сльдь за книгою *Жизни* (Мои Темницы), она показалась бы намъ общими мѣстами, сухимъ, произвольно догматическимъ урокомъ, который мы бы прослушали безъ вниманія.»

Неужели Сильвіо Пеллико имѣеть нужду въ извиненії? Неужели его книга, вся исполненная сердечной теплоты, прелести неизъяснимой, гармоническаго краснорѣчія, могла кому бы то ни было, и въ какомъ бы то ни было случаѣ, показаться сухой и холодно догматической? Неужели, если бъ она была написана въ тишинѣ Оиваанды или въ бібліотекѣ философа, а не въ грустномъ уединеніи темницы, недостойна была бы обратить на себя вниманія чѣловѣка, одареннаго сердцемъ? — Не можемъ повѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ такова была мысль автора «Исторіи Поэзіи».

Это ужь не ново, это было ужь сказано — вотъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ обвиненій критики. Но все уже было сказано, всѣ понятія выражены и повторены въ теченіе столѣтій: что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что духъ человѣческій уже ничего нового не производить? Нѣть, не станемъ на него клеветать: разумъ неистощимъ въ соображеніи понятій, какъ языкъ неистощимъ въ соединеніи словъ.

Всѣ слова находятся въ лексиконѣ; но книги, помимо появляющіяся, не суть повтореніе лексикона. Мысль отдельно никогда ничего новаго не представляетъ; мысли же могутъ быть разнообразны до безконечности.

Какъ лучшее опроверженіе мнѣнія г-на Шевырева, привожу собственныя его слова:

«Прочтите ее (книгу Пеллико) съ тою же вѣрою, съ какою она писана, и вы вступите изъ темнаго міра сомнѣній, разстройства, раздора головы съ сердцемъ въ свѣтлый міръ порядка и согласія. Задача жизни и щастія вамъ покажется проста. Вы какъ-то сберете себя, разсѣяннаго по мелочамъ страстей, привычекъ и прихотей — и въ вашей душѣ вы ощутите два чувства, которыя къ сожалѣнію очень рѣдки въ эту эпоху: чувство довольства и чувство надежды.»

Словарь о Святыхъ, прославленныхъ въ Российской Церкви, и о нѣкоторыхъ сподвижникахъ блаженstія местно-чтимыхъ. 1836 г. С. П. Б.

Въ наше время главный недостатокъ, отзывающійся во всѣхъ почти ученыхъ произведеніяхъ, есть отсутствіе труда. Рѣдко случается критикъ указывать на плоды долгихъ изученій и терпѣливыхъ разысканій. Что же изъ того происходит? Наши такъ называемые *ученые* принуждены замѣнять существенные достоинства изворотами болѣе или менѣе удачными: порицаніемъ предшественниковъ, новиз-

ною взглядовъ, приноровленіемъ модныхъ понятій къ старымъ давно извѣстнымъ предметамъ, и пр. Таковыя средства (которыя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можно назвать шарлатанствомъ) не подвигаютъ науки ни на шагъ, поселяютъ жалкій духъ сомнія и отрицанія въ умахъ незрѣлыхъ и слабыхъ, и печалятъ людей истинно ученыхъ и здравомыслящихъ.

Словарь о Святыхъ не принадлежитъ къ числу опрометчивыхъ и скороспѣльныхъ произведеній, наводняющихъ наши книжныя лавки. Отчетливость въ предварительныхъ изысканіяхъ, полнота въ совершенніи предпринятаго труда поставили сюю книгу высоко во мнѣніи знающихъ людей. Издатель на своеимъ поприщѣ имѣлъ предшественникомъ Новикова, напечатавшаго въ 1784 году *Опытъ Исторического Словаря о всѣхъ въ истинной православной спурѣ святою непорочнаю жизнію прославившихся святыхъ мужахъ*. Съ того времени прошло болѣе пятидесяти лѣтъ; средства и источники умножились; для новаго издателя трудъ былъ облегченъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удвоенъ. Въ *Опытѣ* Новикова помѣщено 169 именъ угодниковъ, съ описаніемъ ихъ житія, или безо всякаго объясненія: *Словарь о Святыхъ* заключаетъ въ себѣ 363 имени, т. е. болѣе, нежели вдвое. У Новикова источники изрѣдка указаны внизу самаго текста: въ нынѣшнемъ «Словарѣ» полный «Указатель» источникамъ напечатанъ особо, въ два столбца, мелкимъ шрифтомъ, и составляетъ цѣлый печатный листъ.

« Церковь Россійская » — сказано въ предисловіи —

«весьма осторожно оглашала святыми угодниковъ своихъ, и только по явномъ открытии нетленія мощей, прославленныхъ чудесами, помѣщала ихъ въ мѣсяцословы. Россія къ утвержденію православія своего видѣла во многихъ мѣстахъ явное знаменіе благодати надъ мощами тѣхъ, кои святостію жизни, пріимѣромъ благочестія, или христіанскимъ самоотверженіемъ явили себя достойными почитанія; но имена сихъ угодниковъ не были внесены въ «Общія Святцы Россійской Церкви»; а память ихъ совершилась въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ они почиваются. Причиною такой мѣстности было отдѣленіе духовной власти Новгорода отъ главной духовной власти Россіи, и потомъ раздѣленіе митрополіи на Киевскую и Московскую. Уже въ половинѣ XVI вѣка Московскій митрополитъ Макарій, составляя «Великія Четыи-Минеи», собралъ житія и нѣкоторыхъ святыхъ, еще дотолѣ въ Патерикахъ не помѣщенныхъ, и для установленія имъ служебъ имѣль въ Москвѣ, 1547 года, соборъ, на которомъ двѣнадцать святымъ Россійскимъ назначено повсюду празднованіе и службы, а девяти — только въ мѣстахъ, гдѣ мощи ихъ почиваются. Тѣ церкви, которыя не успѣли на соборъ представить свидѣтельствъ о своихъ мѣстныхъ угодникахъ, послѣ получали, по разсмотрѣнію митрополита, дозвolenіе совершать память ихъ, и потомъ, при патріархахъ, нѣкоторые изъ нихъ внесены въ общіе мѣсяцословы. Митрополитъ Ростовскій, Димитрій, въ своихъ «Четыехъ-Минеяхъ» помѣстилъ преподобныхъ Кіевопечерскихъ подъ числомъ совершенія ихъ памяти. Но и за

сими многіе не внесены въ мѣсяцословы, хотя нѣкоторымъ сочинены особыя службы, кондаки и тропари; таковы угодники Новогородскіе, Псковскіе, Вологодскіе, и другіе.

«Въ предлагаемомъ «Словарѣ» помѣщены житія святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви; житія нѣкоторыхъ другихъ подвижниковъ благочестія, коихъ память благоговѣйно сохраняется тамъ, гдѣ они жили или почили; наконецъ краткія извѣстія о тѣхъ богоугодно-пожившихъ, которыхъ имена выписаны изъ синодиковъ, или древнихъ монастырскихъ записокъ. При описаніи жизни святаго, прославленного во всей Россійской Церкви, обозначены въ «Словарѣ» мѣсяцъ и число совершенія памяти; относительно прочихъ также означается мѣсто и день, когда чтится ихъ память совершеніемъ молебныхъ пѣній или панихидъ, по введеному постановленіямъ или преданіемъ обычаю. »

Слогъ издателя долженъ будеть служить образцомъ для всѣхъ ученыхъ словарей. Онъ простъ и полонъ и кратокъ. Намъ случилось въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» (впрочемъ, книгѣ необходимой и имѣющей столь великое достоинство) найти въ описаніи какого-то сраженія уподобленіе одного изъ корпусовъ кораблю или итицѣ, не помнимъ навѣрно чemu: таковыя риторическія фигуры въ какомъ нибудь иномъ сочиненіи могутъ быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя; но въ словарѣ онъ во всякомъ случаѣ нестерпимы.

Издатель «Словаря о Святыхъ» оказалъ важную услугу Исторіи. Между тѣмъ книга его имѣеть и общую занимательность: есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы, и чью память празднуютъ ежегодно. Не дозволяя себѣ никакой укоризны, не можемъ, по крайней мѣрѣ, не дивиться крайнему ихъ нелюбопытству.

Наконецъ и библіофилы будуть благодарны за типографическую изящность изданія: «Словарь» напечатанъ въ большую осьмушку, на лучшей веленевой бумагѣ, и есть отличное произведеніе типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Канцеляріи Е. И. В.

* Записки 1814 и 1815 годовъ. А. Михайловскаго - Данилевскаго, бывшаго флигель-адъютанта Государя Императора АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА. Третье изданіе. С. П. Б.

Походныя Записки Русскаго офицера, 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ, изданныя Лажечниковымъ. Издание 2-е. М.

Софія Кучко, или Любовь и Миценіе, исторический романъ XII столѣтія. Соч. И. Грибоѣдова. 2. ч. М.

ИГРА Любви, или Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія, романъ соч. Александра Никитина. 2 ч.

Святочные Вечера, или Раэсказы моей тетушки. Книга 1. Москва.